

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начать книгу мы хотим с того, о чем говорить не намерены, а именно, о людях, которые оказались в трудных обстоятельствах, но справляются с ними по мере сил и возможностей.

Во-первых, речь не пойдет о социальном отчуждении на уровне **мировоззрения**. Что это такое, в нашем отечестве каждый знает не понаслышке. Весь двадцатый век мы прожили в условиях классовой борьбы, в которой, как известно, чужим считается тот, кто не хочет стать своим. Так пролетарии, отнимая имущество у богатых не для того, чтобы его присвоить, не считали врагами буржуев и аристократов, если те не цеплялись за свои привилегии (в Красной армии служило больше офицеров, чем в Белой). И, кстати сказать, мы вообще плохо знаем мотивы интеллигенции (как военной, так и гражданской), побуждавшие добровольно идти на жертвы во имя пролетарской революции. Будучи потомком людей этого круга, могу засвидетельствовать из своих детских воспоминаний, что и на склоне лет они не считали, что ошиблись в своих решениях (с учетом выпавших на их долю серьезных испытаний). Гражданскую войну начали те, кто цеплялся за свои привилегии. Они и были маргиналами при советской власти. А также прочие индивидуалисты, ставящие свое благополучие выше коллектива. С началом перестройки, когда имеющие власть начали обирать остальных, а быть честным означало стать объектом осмеяния, те, кто предпочитает оставаться при гуманистических утопиях, воевать не стали, но предпочли уйти на обочину политической жизни в ряды так называемого пассивно маргинального электората. Естественно, в вы-

боре их социальной позиции тоже много психологии, но все-таки гораздо больше политики. Углубляться в эту сферу отношений между человеком и государством означало бы для нас отойти от основной мысли слишком далеко, во всяком случае, дальше, чем это позволяет замысел книги.

Во-вторых, принципы и убеждения личности могут расходиться не только с политикой, но и с *культурой*. Вся история человечества подтверждает, что одновременно и параллельно со сторонниками прогресса всегда присутствовали те, кто не хотел включаться в общественную жизнь вне зависимости от тех или иных мировоззренческих предпочтений. Буквально рядом с нами (по специфике мироощущения) и словно среди нас живут герои Харуки Мураками, Кобо Абе, предпочитающие комфорту современной Японии затеряться в песках или сидеть в заброшенном колодце. Немного раньше клошары так прочно вошли в парижский пейзаж, что (по слухам) муниципалитет для привлечения туристов платит статистам, которые согласны пожить под мостами в соответствующем статусе. Образы романов В. Пелевина очень популярны среди читающей публики. А в нашем прошлом многовековая традиция юродства, прекрасно описанная и подробно изученная в девятнадцатом веке, прочно вошла в склонности русского характера. Пока воспринявшая (по воле государства) православная церковь еще не обрела на своих папертях этот человеческий тип (современные нищие – откровенно корыстная публика), но хочется верить, что он возродится в своих лучших чертах. Во время

Никольский Н. История
русской церкви

Ливонской войны Никола Салос обозвал Ивана Грозного (собиравшегося покарать псковитян за плохую оборону) царем-кровопийцей и поклялся, что того настигнет смерть от молнии, если он тронет хоть волос псковского дитяти. Царь попросил его молиться, чтобы господь избавил его от такой участи. Правда, не стоит забывать, что мнимо юродивых (ханжей) надлежало отправлять в монастыри «с употреблением их

в труд до конца жизни», а что касается женщин-кликуш, их предписывалось «пытать, пока не сознаются в обмане». Нам же остается только посетовать вслед за С. Куняевым, что «повымерла эта порода, здоровый пошел матерьял, но город лишился чего-то и что-то в лице потерял».

Иванов С. А. Юродство
как феномен религии
и культуры

В-третьих, есть люди, чьи возможности ограничены **природой** до такой степени, что они обречены на известное отчуждение с детства. Хотя здесь многое зависит от культуры в целом. Долгие века «убогих» предпочитали изолировать от общества, и если семья или община не брали их под свое покровительство, государство содержало приюты для слепых, глухих, скудных умом, «выстарившихся» и т. п. Жилось там не очень хорошо. Да и содержать необходимые штаты для казны накладно, так что к девятнадцатому веку цивилизованные страны перешли на практику социального обеспечения. Нетрудоспособным выплачивали пенсию. Обязанность по их социальному устройству возложили на опекунов и попечителей. Детей обучали в учреждениях, комплектуемых «по схожему дефекту», а для взрослых содержали сеть «лечебно-производственных» предприятий, где социальная адаптация важнее прибыли. Такая установка на «изоляцию с человеческим лицом» остается в основе наших официальных представлений о «государственном милосердии» и по сей день. Стремление отгородиться от проблем людей с ограниченными возможностями, заплатив положенное, залегает в нашей ментальности достаточно глубоко. Время от времени прорываясь наружу недостойными равнодушием, жестокостью, дискриминацией. Достаточно вспомнить, что совсем недавно (с 1933 г. по 1945 г.) практика «недопущения наследственно отягощенного потомства» была не тайным беззаконием дорвавшихся до власти фашистов, а нормой законопослушного поведения вполне цивилизованного населения.

Во всяком случае, современные усилия Организации Объединенных Наций ориентировать национальные

правительства на интеграцию в общество людей с ограниченными возможностями, обеспечив им «достойное существование», пока выглядят больше как благородные порывы, нежели серьезные намерения изменить социальную политику. И хотя параолимпийские игры достаточно популярны, инвалидам открывают двери в места общественного пользования, вводятся квоты рабочих мест для инвалидов на обычных предприятиях, школы стараются наладить совместное обучение детей «всего спектра возможностей», на уровне массового сознания многое остается на своих местах. Как в социальной практике, так и на уровне теории. Так называемая теория психической средовой дезадаптации и реабилитации людей с ограниченными возможностями пока что остается в рамках дефектологии и клинической психологии. Вторгнуться в их пределы означало бы нарушить стилевое единство изложения, поэтому мы просто рекомендуем желающим обратиться к соответствующей литературе.

Таким образом, оставив политику, культурологию и дефектологию «на флангах» своего изложения, мы будем использовать их материалы настолько, насколько это будет нужно для развития основной мысли – анализа психической средовой дезадаптации человека, живущего обычными интересами, но попавшего под давление обстоятельств, оттесняющих его на обочину жизни, и в той или иной мере утратившего интерес к общепринятым ценностям.

* * *

Когда кто-то из жалости и сострадания, по долгу службы или велению сердца хочет помочь другому, чаще всего он не обнаруживает в судьбе неудачника каких-то особо драматических обстоятельств и убеждается, что *«не важно, как с нами обращаются, главное, как мы на это реагируем»*. Хорошо, если при этом он занимается всего лишь филантропией, и может, если его добро почему-то некстати, с чистой совестью отойти в сторону. Тот же,

кто несет моральные, а то и служебные обязательства проявлять гуманизм от лица общества и государства, зачастую не имеет права себе этого позволить. Ему приходится вовлекать человека в конструктивные отношения с окружающими, преодолевая известное сопротивление. И здесь приходится ориентироваться не только на повод (лежащий на поверхности), но и на причины, залегающие значительно глубже, чего не видят не только окружающие, но и сам человек.

В любом конкретном случае присутствуют три источника, три составные части явления: почва, ситуация, защитная реакция. Их можно представить себе в форме несложной схемы, отражающей традиционно принятую логику мышления специалистов, работающих с социально неприспособленными людьми (психологов, врачей, педагогов, юристов, социологов).

Термином «почва» обозначают биологически (чаще всего – фенотипически) обусловленные признаки неудачного склада психики (так называемые «ограниченные возможности»), не соответствующие требованиям, которые предъявляют не только экстремальные, но и просто неблагоприятные обстоятельства. Такие люди нуждаются в поддержке и понимании со стороны окружающих.

«Ситуация» имеет внешнюю сторону (проблемы сегодняшнего дня) и внутренние причины, корни которых уходят в прошлое, когда у человека формировались задатки комплекса неудачника. Чаще всего нужно говорить о проявлении сегодня тех слабых мест характера, которые заложены давно и существуют как бы вне сознания,

но дают о себе знать, когда обстоятельства как «ключ к замку» подходят к уязвимому месту личности.

«Защитная реакция» – собственный выбор социальной позиции, позволяющей избежать тягостной зависимости от обстоятельств или хотя бы ослабить ее гнет. Как правило, человек нащупывает защитные тенденции в возрасте, когда еще плохо разбирается в жизни. Привыкая к ним по ходу воспитания, он усваивает их незаметно для себя и в дальнейшем считает неотъемлемыми свойствами характера, а вовсе не чем-то навязанным извне. Так что стоит присмотреться к нашим обычным манерам поведения, как станет очевидным, что они насыщены защитными реакциями гораздо больше, чем мы полагаем.

Если в поле, очерченном сторонами треугольника, конкретный случай обозначить точкой, дистанция ее от той или другой стороны будет сигнализировать о сравнительной актуальности тех проблем, которые название стороны символизирует.

Например:

Преобладают психические недостатки, нуждающие защищаться от сравнительно простых обстоятельств.

Человек с достаточно устойчивым внутренним миром оказался жертвой стечения тяжелых жизненных обстоятельств.

Слабость защитных тенденций делает человека чрезмерно зависимым от психической неустойчивости и отношения к нему со стороны.

При желании силовые характеристики поля можно конкретизировать, но мы ограничимся лишь принципиальными характеристиками, полагая, что, освоив материал книги, читатель легко сможет сделать это самостоятельно.

ПОЧВА

Люди с недостатками усваивают социальные нормы не в полном объеме.

Г. М. Дистль

Историческая справка

В крестьянской цивилизации заботы о «негодящих» лежали на общине с присущей для нее коллективной ответственностью. Глупых ограничивали в возможности распоряжаться собственностью, а непослушных отправляли в армию по «рекрутской разверстке», где муштра была если не основным, то немаловажным средством воспитания. Женщин домострой накрепко привязывал к семье. За тех же, кто «шатался меж дворов», община платила штраф за недосмотр.

Фабричная цивилизация изменила нравы. Тем не менее, промышленное производство требовало совместного труда, и в известной мере коллектив заменил общину, оставив за собой руководство и покровительство трудящимися. Профсоюзы были вполне реальной силой на стороне любого рабочего, в том числе и того, кто не нравился работодателю. Личностная зрелость народных масс окрепла по сравнению с прошлым, но что касается толерантности к тем, для кого «стремительные шаги прогресса оказались не по силам», его явно недоставало (*«история*

Харапи Ю. Н. *Sapiens*

этики – печальная повесть о прекрасных идеалах, до которых никто не дотягивает»). Для

сильных, умных и самостоятельных «свобода, равенство и братство» открывали заманчивые перспективы, но для людей с ограниченными возможностями это зачастую оборачивалось пресловутой «свободой колодника, вытолкнутого в степь». В природе равенства не бывает, уравнивают культура и цивилизация. И если они берут курс на конкурентоспособность, «социально неприспособленным» остается надеяться на милосердие.

Социализм в нашей стране попытался вернуться к своим историческим истокам, согласно которым «бедные

и слабые имели свою долю в источниках пропитания, находящихся во временном пользовании отдельных лиц, но единственным собственником которых был Иегова

(в современной лексике – государство). Равенство состояний удерживалось как норма, раз и навсегда установленной божественной властью (в современной лексике – коммунистической идеологией). Отношение к труду

и высокая его оценка исключали появление социальных недугов». Какое-то время это получалось, но рынок с его неписанными законами брал свое. Тем более, что и сама фабричная цивилизация стала меняться под натиском культуры, оснащенной современными информационными технологиями. Просто трудиться стало недостаточно, чтобы соответствовать ожиданиям цивилизации, ей стал нужен человек не только самостоятельный, но и просвещенный. Прежнее так называемое «реальное образование» перестало отвечать запросам работодателя.

В постидустриальной реальности людям самых простых занятий потребовались не только навыки обращения с предметами, но и с людьми. Образ немудрствующего подсобника, не следящего за своими манерами, стал исчезать по одной, но веской причине. Пресловутая цифровая технология оставила рабочие места только хорошо подготовленным людям, не только в профессиональном, но и в социальном отношении. Народ это быстро усвоил.

Недаром в Советском Союзе, гордившемся своим массовым читателем из рабочего класса, стоило перестройке показать, что современная цивилизация отбирает не столько начитанных, сколько тех, кто хорошо адаптирован к обществу, родители стали оплачивать высшее образование в наспех созданных представительствах и филиалах вузов в малых городах, отлично понимая, что гарантируют не карьеру (никто не испытывал иллюзий относительно уровня квалификации преподавательского корпуса), а рассчитывая продлить сроки личностного созревания в учебных аудиториях, а не на рынке труда.

Благотворительность // Большая энциклопедия в 20 т. СПб., 1905. Т. 3

Образ невоспитанной уборщицы, всегда готовой наглубить с досады, отходит в прошлое, даже ей нужна известная доля социальной интуиции и хорошие манеры. На улице оказывается все больше тех, в ком никто не нуждается, но им не на кого обижаться («противостоять ненужности намного труднее, чем бороться с эксплуатацией»). Перспектива откатиться в маргиналы все больше угрожает тем, кто не умеет общаться с людьми, в которых заинтересован, без глупых ожиданий навязывать свою волю и детской уверенности в том, что другие примут тебя таким, как есть.

Так что на сегодняшний день, чтобы быть «конгруэнтным», к обществу нужно не только постараться, но и обладать необходимыми для этого задатками. Не у всех они имеются в должной мере. Люди обращаются за советом и поддержкой к психологу. Ему следует составить мнение о том, в какой мере психический склад натуры человека способствует или затрудняет психическую средовую адаптацию. Здесь необходимо составить мнение о темпераменте, одаренности социальными чувствами и возможностях ума.

Психические недостатки

Иначе думающие

Интеллектуальное расстояние от мужика до И. Канта гораздо больше, чем между мужиком и его лошадью.

В. Шаламов

Люди мыслят по-разному. Одни любят получать и перерабатывать информацию, радуются прогрессу, тяготятся монотонностью освоенного, другие, напротив, склонны останавливаться в развитии, когда то, что они уже знают, обеспечивает им устойчивость бытия. Их не раздражает повторение пройденного; увидеть давно знакомое и успокоиться для них важнее, чем увидеть новое и удивиться. Любознательность вообще отпущена природой не каждому и в разных дозах. Тем более, не на всю жизнь. Поначалу ее подогревает беспокойный темперамент, но по мере того, как чувство жизни оскудевает, у многих людей интеллект плавно соскальзывает на примитивный уровень. Умных стариков гораздо меньше, чем подающих надежды молодых людей. Это знают все и в известных пределах готовы мириться с отклонениями как в сторону глупости, так и одаренности. Но есть некая граница, задаваемая цивилизацией, за пределами которой человек, не обладающий нужными задатками, чувствует себя не в своей тарелке. Он не может в полной мере осознавать происходящее, окружающие в своих мотивах и манерах отрываются от него, и в его душе начинает накапливаться чувство социального отчуждения, окрашенное тревожными предчувствиями и недоверием к людям. Чем

быстрее движется прогресс (как заметил в книге «Падшие люди» Н. В. Краинский), тем на обочине жизни остается все больше положительных, но обделенных умом людей.

Примитивная культура не гонит дурака. Она благосклонно разрешает ему жить в мире, где реальность и фантазия переплетаются самым невообразимым способом (примитивный ум отличается тем, что слово и факт нечетко разделяются во впечатлении, они склонны сливаться в разного рода предрассудках и мифических заблуждениях).

Как заметил К. Леви в книге «Христос остановился в Эболи», для быта глубокой итальянской провинции (куда он был сослан режимом Муссолини) все имеет двойной смысл. *«Для крестьянина каждый человек, каждое дерево, животное, предмет, слово, заключают в себе скрытое значение. Только разум, а с ним религия и история имеют один смысл. Ощущение же бытия многообразно до бесконечности, потому что все вокруг – частица божественного. Даже церковные церемонии становятся языческими обрядами, прославляющими языческих богов поселения. Так было и тысячи лет назад. Завоеватели, явившиеся из Трои, принесли с собой все достижения, противоречащие старинной крестьянской цивилизации. Они принесли религию и государство. Но благочестие Энея не могло быть принято древними итальянцами. Когда троянцы оказались в Италии, они встретили в жителях этой земли неугасимую враждебность. Целый ряд итальянских войн был самым большим препятствием на его пути. Затем крестьянская цивилизация, замкнутая в римские порядки, как бы застыла в покорности».*

О деревенской цивилизации (К. Ясперс в своей книге «Смысл и назначение истории», называл крестьянство «неисторической субстанцией населения») вообще следует поговорить отдельно. Ритмы, режимы, интересы, которые задает культура, тяготят примитивную психологию. И хотя жизнь в общине (которая, по словам К. Маркса, «гнула, ломала и калечила личность») тоже

не сахар, многие предпочитали оставаться в ней, уступая возможность уходить в города тем, кто хотел руководствоваться отвлеченными понятиями. Представители же культуры в деревне (учителя, врачи, священники) всегда держались обособленно. Их школы, амбулатории, храмы жили по-своему и, как правило, за счет государства, чтобы сохранять дистанцию, необходимую для привлечения умных на свою сторону.

Когда урбанизация стала растворять барьер между городом и деревней, люди, склонные к «идиотизму деревенской жизни» (по К. Марксу), стали приравниваться к прогрессу по-своему. Архаично мыслящий человек, живущий в городе, предпочитает создавать в своем ближайшем окружении некую экологическую нишу, живя в ней как бы в раковине или в подполье и выглядывая наружу с чувством недоверия и враждебности. Люди такого склада не создают заметных общественных движений или течений, но охотно откликаются на протестные лозунги, от кого бы те ни исходили, «бунтом бессмысленным и беспощадным».

Недаром издревле проповедники общечеловеческих ценностей и личностных смыслов бытия адресовали свои послания на несколько уровней умственного развития. Всякая притча ориентирована на: а) обобщающие понятия для тех, кто умет делать выводы и оперировать отвлеченными категориями; б) образные сравнения для тех, у кого мысль – поток впечатлений, а не движение представлений; в) конкретные указания для руководствующихся «деятельностным подходом». В психологии мышление подразделяют на абстрактно-логическое, наглядно-образное и наглядно-действенное. И это можно понять, так как паства не делится по каким-то социальным, а тем более – по интеллектуальным признакам. Чтобы быть понятным всем, нужно или максимально упрощать лексику (как в военном деле), или говорить непонятно, чтобы каждый доходил до смыслов своим умом (как в церковной службе на древнем языке), или говорить

об одном и том же, но на разный манер, когда слушатель может что-то взять, а что-то опустить без ущерба для основополагающей идеи.

Для примера мы взяли псалом 57 из Псалтиря.

Издательство Северо-
Западной Библейской
комиссии. Л., 1990

1. Начальнику хора. Не погуби. Писание Давида.

2. Подлинно ли правду говорите вы, судьи, и справедливо судите, сыны человеческие?

3. Беззаконие составляете в сердце, кладете на весы злодеяния рук наших на земле.

4. С самого рождения отступили нечестивые; от утробы матери заблуждают, говоря ложь.

5. Яд у них, как яд змеи, как глухого аспида, который затыкает уши свои.

6. И не слышит голоса заклинателя, самого искусного в заклинаниях.

7. Боже, сокруши зубы их в устах их; разбей, господи, челюсти львов!

8. Да исчезнут, как вода протекающая; когда напрягут стрелы, пусть они будут как переломанные.

9. Да исчезнут, как распускающаяся улитка; да не видят солнца, как выкидыш женщины.

10. Прежде, нежели котлы ваши ощутят горящий терн, и свежее, и обгоревшее да разнесет вихрь.

11. Возрадуется праведник, когда увидит отмщение; омоет стопы свои в крови нечестивого.

12. И скажет человек: «Подлинно есть плод праведнику! Итак, есть Бог, судящий на земле!».

Глашатаи же нравственных правил действуют на людей не только словом, но и личным примером, на глазах прихожан жертвуя ценностями мирской жизни во имя тех отвлеченных идей, которые проповедуют. Например, возможностью передать детям нажитое или вообще иметь законнорожденных детей (в общественном сознании – отказаться от будущего в его обыденном представлении). И пока механизм передачи от поколения к поко-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru